

даваемые на почве данной идеологии, спекулируют общественными ценностями и подменяют понятия. За желанием соблюдать нормы приличия могут скрываться интересы узкого круга элиты, но через определенные положения идеологии политкорректности просматриваются перспективы гуманизации общества.

Список цитированных источников

1. Галецкий, В.Ф. 2006: Скромное обаяние политкорректности // [электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2006/9/ga11.html>
2. Колаковская, А. *Imagine...* Интеллектуальные истоки политкорректности. // Новая Польша. Варшава, 2004, № 3 (51), март // [электронный ресурс] URL: <http://www.nowpol.ru>
3. Лассан, Э.Р. *О политкорректности как попытке обуздания инстинкта агрессии* // [электронный ресурс] URL: <http://www.vu.lt>
4. Назаретян, К.А. 2003: *Что такое политкорректность?* // [электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/>
5. Радченко, И. 2008: *Политкорректность: корректный язык* // [электронный ресурс] URL: <http://www.study.ru/support/lib/note96.html>
6. Сепир, Э. 1993: *Избранные труды по языкознанию и культурологии* (пер. с англ. Перцова Е.Н.; общ. Ред. Е.А.Кибрик). – Москва: Прогресс. – С.193, 231.
7. Слуцкий, Л.И. Политкорректность – тяжелое заболевание Запада // [электронный ресурс] URL: http://world.lib.ru/sluckij_L_I/
8. Убираева, Я.Г. *Политкорректность как политический миф* / Я.Г. Убираева // Без темы. – 2009. – № 1(11). – С. 104-110 // [электронный ресурс] URL: <http://beztemy.usu.ru/>
9. Шульгин, Н.Н. *За горизонтами политкорректности* // Вопросы философии. 2003. – № 6.
10. Dickie, Georg. 1974: *Art and Aesthetic. An Institutional Analysis*. Cornell University Press.

БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ И СОЦИАЛЬНОЙ УТОПИИ

Мисиюк В.С.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Данная статья посвящена анализу польско-белорусских отношений в период становления белорусской национальной культуры в Западной Белоруссии. (1921-39 гг.): Трансформация белорусской культуры в начале XX в. сопровождалась ростом напряжения в отношениях между польской администрацией и представителями крупнейших белорусских организаций. В статье будет предпринята попытка объяснить, чем были обоснованы обвинения в адрес белорусских деятелей в социальном радикализме, нарушении общественного порядка, антигосударственной деятельности, а также насколько они соответствовали целям белорусского движения.

Польская администрация справедливо рассматривала Западную Белоруссию как постколониальную территорию, культура которой несла на себе отпечаток более чем векового владычества Российской империи. «Если рассмотреть обычаи, одежду, строительство, и даже танцы, то сколько в них найдем заимствований с востока» [12, 74об]. Этому факту придавали цивилизационное значение: российская общественно-политическая модель была основана на принципе коллективизма, отсутствии имущественных и политических гарантий, кровавых протестных движениях «русском бунте», пренебрежении правом. Интеграция Западной Белоруссии в польском государстве зависела от того, удастся ли преодолеть этот цивилизационный барьер. Эта установка легла в основу политики колонизации белорусской культуры. «Объединение деревни с городом, с элементом польским, его организациями будет одним из первых этапов колонизации белорусской деревни и преодолением той пропасти, которую после разделов создали москали, а в данный момент стараются углублять коммунисты» [12; 47].

На практике политика полонизации проводилась в ущерб белорусским национальным интересам, поскольку плохое знакомство с белорусской культурой не позволяло отделять ее самобытность от привнесений ассимиляторской политики имперского правительства. Яркий пример – букварь Станислава Любич-Маевского. Он был напечатан государственным издательством школьной литературы и рекомендован для школ с преподаванием белорусского языка. Даже поверхностное знакомство позволяло сделать вывод о некомпетентности автора: широко используемую традиционную лексику и грамматические конструкции он предлагал заменить в белорусской литературной норме на аналогичные польские [23, 21]. А также, вопреки «нашенивской» традиции и наиболее распространенной практике, провозглашал нормой правописания польский вариант латинки. Разумеется, это вызвало волну возмущения белорусских просветительских организаций. В рамках школьной кампании к началу учебного года (1 октября 1929 г.) все кружки Товарищества белорусской школы (далее ТБШ) провели акцию осуждения использования «Лементаря» Любич-Маевского [15, 14].

Отношение к полонизации было отражено в программных положениях организаций, национальные интересы которых разнились. ТБШ поясняло своим сторонникам, что выступает против распространения Кружков сельской молодежи в белорусских деревнях, так как последнее считает основной своей целью распространение польского языка [11, 9]. Польско-белорусский конфликт интересов был неизбежен.

Со временем иллюзии того, что вопрос белорусского национального строительства решится сам собой, стали таять. В 1926 г. в зале белорусского приюта г. Гродно был зачитан доклад, в котором подводился итог десятилетию усилий по созданию белорусской республики. В нем отмечалось, что немецкие и польские предложения помощи оказались пустыми обещаниями [4, 350]. Среди белорусов также были слышны голоса, что «майский переворот» не оправдал их ожидания, а посему им не на кого надеяться, кроме как на самих себя [4, 408]. Вопреки обещаниям белорусы не получили в польском государстве широких национальных прав и свобод. Напротив, они столкнулись с активным противодействием властей. Теме репрессий ТБШ даже собиралось посвятить отдельное издание: «Белую книгу», которое должно было увидеть свет к 15-летию существования организации [8, 128]. История белорусского народа виделась представителям национального движения как незавершенный процесс борьбы с национальным гнетом. Кружок ТБШ в Голынце Слонимского повета организовал чтения на тему «Расцвет Белоруссии», на которых выступили А. Дорош и Ф. Кармаш. Докладчики отмечали: *«народ белорусский угнетали вначале поляки, а затем русские»* [14, 21]. Информатор, присутствовавший на одном из собраний в Негневичах, отмечал: *«Из сообщения можно было почувствовать, что он (выступающий – авт.) хотел сказать, что белорусы, как были угнетаемы царскими властями, так сейчас угнетаемы в Польше»* [22, 141]. *«Ныне нет несознательного национально белоруса, который не чувствовал бы насилия, осуществляемого оккупационным польским правительством в отношении национальных меньшинств»* [3, 100об.].

Целью национально-освободительной борьбы было создание собственной государственности. По мере распространения национального сознания укреплялась также вера в скорое ее достижение. Казначей ТБШ, бывший громадовец, Михаил Хованский убеждал своих сторонников в том, что *«поляки на восточных «крессах» временно и Беларусь в ближайшем будущем получит независимость, в этом не сомневается, даже, польское правительство»* [17, 97]. В Ольшанах Пружанского повета ему вторил Иосиф Головацкий: *«Когда поляки должны покинуть Белоруссию, этого не знаю, только местное население говорит, что в скором времени Польша должна оставить Белоруссию»* [16, 37]. В Косовском повете также были: *«слышны высказывания о том, что польское господство на Белоруссии скоро закончится»* [18, 14].

Идея скорого создания белорусского государства была не чем иным, как идеей национальной революции. Учительница белорусской школы в Шавлях Браславского повета, Мария Булыга, призывала крестьян к акциям гражданского неповиновения *«распространяла слухи о скорой белорусской революции и изгнании поляков»* [1, 214]. В Гродненском повете даже появились листовки *«убрать мазуров с белорусской земли»* [9, 120]. Эти настроения подкреплялись практическими действиями: члены громады составляли списки имеющегося в регионе оружия *«колишніх вйськовых, поширювали чутки про створення «ударних груп» і т.д.»*. Польская администрация восприняла революционные настроения как проявление социального радикализма. Выше уже упоминалось, что она не видела принципиальной разницы между царской и советской Россией, символами которых считала деспотию и анархию. Ответственность за распространение радикальных идей возложили на приверженцев коммунистической идеологии и сторонников Советской Союза. *«Коммунисты, видя ультра толерантную польскую национальную политику, в Новогрудском воеводстве не только не реагировали на националистические настроения и тенденции, имеющие место в этих организациях (национализм не согласуется с коммунизмом), но напротив пошли навстречу национально-освободительных движений, чтобы таким образом ослабить польское влияние на восточных рубежах»* [12, 42]. Высказывалось требование ликвидации ТБШ и подобных ей организаций, поскольку коммунисты дали распоряжение своим членам вступать в нее, а в случае ликвидации переходить в другую [5, 111]. В более резких высказываниях политически понятия белорус, коммунист, государственный преступник перестают различать. Одна из характеристик деятельности БСРГ заканчивается такими словами: *«Как следует из представленного описания белорусского политического движения на Полесье, то оно носит всегда очевидный антигосударственный характер с революционными тенденциями. На это движение влияют идеи Третьего Интернационала, которые не могли тут прижиться в силу характера населения, и отношения государственной власти»* [10, 29]. Эта оценка мало зависела от типа организации, его политической платформы или исторического момента. Уже в материалах 1925 г. встречается такое мнение: *«лояльных государству польскому белорусов ничтожное количество, а те, кто такими считается, чаще всего, хорошо замаскированные деятели враждебных организаций»* [3, 118]. В еженедельных и месячных отчетах регулярно появляется информация о том, что в деятельность белорусов вызывает опасения и подозрения в приверженности идеям коммунистической партии. Адресатов «Беларуской газеты» в Столбцовском повете характеризовали так: *«показательно, что все получатели подозреваются в коммунистической деятельности»* [22, 28]. Радикальные настроения были признаком активной национальной позиции. В ней администрация усмотрела не четкое видение целей национального движения, а влияние коммунистов. Когда Якуб Протасевич (Новогрудское воеводство) выступил против того, чтобы в культурно-просветительский кружок принимали членов политических партий, то *«против него выступили иные белорусы, особенно активная молодежь, подверженная радикальным настроениям, главным образом влиянию КПЗБ»* [21, 291].

Распространяется также идея о том, что белорусским движением руководят из-за рубежа. Общей формулировкой *«шпионская и угрожающая публичной безопасности деятельность»* руководствовались органы власти, закрывая в феврале 1930 г. кружок ТБШ в Эйсмонтах Велико-Берестовицкого повета [7, 40], обвинением в шпионаже: *«Местная русская стихия в большинстве зависима от белорусского влияния, так что не отличается своеобразием идей, находится в русле белорусских идеи, руководствуется коммунистическими инструкциями»* [3, 119].

Маргинальные белорусские организации, такие как Временный белорусский совет (Часовая беларуская рада) и Белорусский национальный совет (Беларуская нацыя-

нальная рада), также увидели в деятельности наиболее массовых национальных организации (ТБШ, БСРГ, БСРКП) «деньги из Минска и Москвы» [18, 132] и пропаганду утопических идей [20, 18].

Описанное выше отношение польской администрации к белорусскому национальному движению не было беспочвенным. Действительно, среди белорусов распространялись советофильские настроения. Более того, многие из них рассчитывали на вооруженную помощь советского правительства. На собрании окружного комитета ТБШ в 1929 году говорилось, что *«только организованные под знаменем БСРКП белорусы, с помощью вооруженной силы, и при поддержке СССР получают независимость и создадут белорусское государство»* [13, 90б.]. На собрании 35-ти членов БСРГ в Огородниках среди прочего говорилось о автономии, которой пользуются белорусы в СССР. *«Поскольку советская Белоруссия пользуется всеми свободами и поэтому должны всеми способами добиваться соединения с Россией, где белорусы добиваются, чтобы были организованы в целостный организм»* [18, 119]. Кружили слухи о том, что в СССР принимают белорусскую молодежь и дезертиров из Польши и готовят из них специальные воинские подразделения [6, 105]. А к концу 1930-х годов национальная активность концентрировалась в коммунистических кругах. В отчетах говорится: *«На территории Белостокского воеводства нет легальных организаций белорусских в силу этого общественно-политическая жизнь белорусского населения находится почти полностью под влиянием КПЗБ»* [8, 83]. Во время акции в поддержку белорусской школы ученики Новогрудского воеводства размахивали красными флагами и выкрикивали коммунистические лозунги [2, 7].

Тем не менее, этот выбор был вынужденным. Ликвидация легальных национальных организаций толкала белорусов в ряды подпольных структур. Из средств информации белорусы имеют в СССР целый ряд завоеваний: существует белорусская республика, действуют различные национальные институты (литературные объединения, институты, школы, театры и пр.). С другой стороны, обыски, аресты, запреты на проведение собраний, отказы в регистрации, препятствие в распространении национального образования, цензура и осадничество давали возможность коммунистической партии парировать обвинения в социальном деструктивной деятельности и возложить ответственность за террор и дискриминацию на правительственные *«вооруженные экспедиционные карательные отряды»* [19, 533об] – полицию. В обращении ЦК КПЗБ от 31.10.1933 говорилось: *«Кровью тысяч жертв хочет польское империалистическое правительство задавить национально-освободительную борьбу белорусских и украинских масс»* [19, 533об]. Польская сторона диктовала белорусам свою волю, вместо диалога имел место монолог. Результатом стало обоюдное обострение национального конфликта. Администрация подавляла проявления белорусской национальной жизни, а белорусы оказывали поддержку радикальной политической оппозиции.

Польско-белорусский конфликт интересов определял весь сектор форм взаимодействия этих двух сторон. Он отразился на деятельности политических, а также просветительских и экономических организаций. Рост напряжения в национальных отношениях был вызван следующими причинами: ассимиляторской политикой, идеей создания белорусской республики, активностью коммунистических партий и отсутствием диалога между польскими и белорусскими элитами. Указанные причины позволяют утверждать, что попытки администрации свести решение белорусского вопроса до уровня решения социальных проблем и обвинения представителей белорусского национального движения в социальном радикализме необоснованны.

Список цитированных источников

1. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Z.296. – Syg.19.
2. AAN. – Z.974. – Syg.40.

3. Państwowy archiwum w Białymstoku (PAWB). – Z.79. – Syg.2.
4. PAWB. – Z.79. – Syg.3.
5. PAWB. – Z.79. – Syg.13.
6. PAWB. – Z.79. – Syg.38.
7. PAWB. – Z.79. – Syg.57.
8. PAWB. – Z.79. – Syg.93.
9. PAWB. – Z.79. – Syg.99.
10. Государственный архив Брестской области ГАБО. – Ф.1. – Оп.9. – Д.47.
11. ГАБО. – Ф.1. – Оп.9. – Д.804.
12. ГАБО. – Ф.1. – Оп.10. – Д.1281.
13. ГАБО. – Ф.2. – Оп.2. – Д.994.
14. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д.939.
15. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д.1225.
16. ГАБО. – Ф.94. – Оп.1. – Д.178.
17. ГАБО. – Ф.702. – Оп.1. – Д.20.
18. ГАБО. – Ф.702. – Оп.3. – Д.8.
19. ГАБО. – Ф.2002. – Оп.2. – Д.1.
20. Государственный архив Волынской области (ГАВО). – Ф.1. – Оп.2. – Д.1.
21. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф.200. – Оп.2. – Д.12.
22. ГАГО. – Ф.200. – Оп.2. – Д.13.
23. Одрач, Ф. На непевному ґрунті – Луцьк: Вежа, 2010. – 271 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Можаровская Я.В.

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

На всех исторических этапах существования человечества важную, а иногда и решающую роль в его развитии играла молодежь. Молодежь – это социально-демографическая общность с характерными возрастными, социально-психологическими особенностями и ценностями, которые обуславливаются уровнем социально-экономического, культурного развития, спецификой социализации и индивидуализации в обществе [1, с.101].

В современных социокультурных условиях молодежь выступает значимым социальным субъектом, занимающим отдельную нишу в социальном производстве и воспроизводстве. Молодежи принадлежит особая роль в обществе, ведь именно ее представители сегодня – это руководители государства, правительства, ученые, экономисты и юристы – то поколение, которое будет творить историю завтра. Поэтому очень важно определить, что же происходит с нашей молодежью в начале XXI в., какие жизненные ценности, социальные установки предпочитают молодые люди, на какие образцы они ориентируются.

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих активность молодежи в реализации проводимых реформ, становлении экономически сильной, политически стабильной страны является социально-психологический настрой, готовность действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями. Ценности и ценностное сознание могут быть как ускорителем проводимых преобразований, так и его тормозом. Поэтому весьма значимой и актуальной предстает задача исследования ценностного содержания деятельности молодежи.

Проблема ценностей имеет многоплановый и многоуровневый характер. С одной стороны, к ним относят все то, что имеет значимый характер – все результаты и продукты материальной и духовной деятельности. С другой, ценностями считают определенные духовные образования: идеалы, цели, представления о должном, прекрас-